

УДК 130.2 (73)

В ПОИСКАХ НАДЕЖДЫ: Х. КОКС О ДЕКАДАНСЕ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕЁ ДУХОВНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу книги крупного представителя современной протестантской теологии Х. Кокса «Праздник шутов: теологический очерк праздненства и фантазии». Она была написана в 1969 г., но сохранила свою актуальность. Х. Кокс поставил в ней очень серьезные проблемы: что происходит с современным человеком и культурой; почему дух веселья и фантазии от века к веку покидает её; есть ли вина в этом процессе христианской теологии; возможно ли безрадостную, но прагматичную жизнь человека назвать по факту человеческой; каковы причины духовного декаданса современной цивилизации и какова роль теологии в поисках путей её духовного воссоздания?

Ключевые слова: американская либеральная теология, философия религии, философия культуры.

«Смех – это последнее оружие надежды. Зажатые со всех сторон идиотизмом и уродством, подталкиваемые к тому, чтобы признать, что заключительный апокалипсис обрушится на нас, нам, кажется, ничего не остаётся, кроме как делеять смех как нашу единственную защиту...

Перед лицом бедствий и смерти мы смеёмся, вместо того, чтобы осенять себя крестом».

Х. Кокс

Творчество Харви Кокса, известного протестантского теолога и философа XX в., интересно тем, что отражает духовные перемены времени. Автор «Мирского града» никогда не боялся творческих экспериментов, был открыт миру и пытался уловить изменения в настроениях и устремлениях американского общества, к которому принадлежал. Книга Х. Кокса «Праздник шутов: теологический очерк праздненства и фантазии» (1969) – ещё одна попытка осмыслить и оценить содержание жизни современной западной цивилизации. Данное сочинение является, пожалуй, самым дискуссионным и неоднозначным текстом, который мог выйти из-под пера христианского теолога. Отметим, что книгу следует воспринимать в контексте времени её написания – середины 1960-х гг., когда происходил слом колониальной системы, когда победило движение М.Л. Кинга за права чернокожего и цветного населения в США, когда на волне новых свобод набирало силу движение хиппи на фоне овладевавшей умами молодежи концепции контркультуры. Не удивительно, что «дионисийские» настроения того периода отразились в новой книге. Рационализм «Мирского гра-

да», его «аполлоническая» направленность сменяются поиском иррациональных сил культуры, которые питают её жизненной энергией.

Важно отметить и тот факт, что в 1960–70 гг. возникают новые влиятельные теологические течения, которые было невозможно игнорировать. Кокс всегда занимал активную позицию относительно социальных преобразований и не удивительно, что взгляды сторонников политической теологии не оставили его равнодушными. **Политическая теология** объединяет следующие теологические течения: теология надежды, теология революции, теология освобождения и «черная теология». По поводу влияния теологии освобождения на творчество Кокса я уже писала в одной из статей [2, с. 157–178]. В данной статье мне хотелось бы показать интерес Кокса к теме кризиса западной цивилизации, что очень важно. Дело в том, что в дебютном сочинении «Мирской град» (1965) он очень оптимистично смотрел в будущее, позитивно воспринимая современность как Богом данную реальность, бранил экзистенциалистов за пессимизм и критику городского стиля жизни, который порождает отчуждение и одиночество индивида. А четыре года спустя в новой книге, о которой идет речь, Кокс все же стал замечать, что западная культура больна. Он ищет проявления «дионисийского» начала в культуре, его истоки, а за её оптимистическим названием скрывается глубокая печаль. Кокс пытается показать, каковы причины декаданса культуры, как он оказался возможным, какую лепту в этот декаданс внесло христианство, что происходит с современным человеком и чем ему может помочь теология.

1. «Дионисийское» начало как творческая составляющая культуры

Кокс ставит диагноз современной западной культуре: под давлением духа наживы, практицизма и потребительских установок из культуры улетучиваются жизнерадостность и непосредственность. Люди исправно ходят на работу, но они не чувствуют себя счастливыми и не способны к веселью, они разучились от души смеяться и праздновать самые значимые события жизни и даты. Праздник и веселье занимают столь незначительное пространство их жизни, они столь «камерны», что возникает вопрос: Как же случилось, что человек утратил способность веселиться и праздновать, что называется, от всей души, а значит, и сопереживать?

Как произошло, что он все меньше испытывает трепет и восторг по тому или иному случаю? Сам факт этой существенной духовной потери Кокс считает признаком декаданса западной культуры. Поэтому ему приходится проделать приблизительно ту же работу, что и философы XX в., которые занимались анализом современной культуры и её критикой. Представители Франкфуртской школы, например, сосредоточили своё внимание на многообразных системах манипулирования человеком и новейших способах лишения его свободы через деятельность политических и социальных институтов, а также на феномене идеологического зомбирования через СМИ. Теолог Х. Кокс обращается скорее к анализу психологического состояния личности, которая под давлением современной ситуации страдает

и чувствует себя несчастной, не отдавая себе отчета в том, что оскудение духовной составляющей связано как с утратой веры, так и с положением «функционара» и прагматика.

Кокс предпринимает попытку выяснить причины утраты эмоциональной восприимчивости и духовной опустошенности современного человека, и в качестве первого фактора внутреннего декаданса он называет **западный индустриализм**. Западное индустриальное общество – это не просто модель социального развития и способ жизни. Проблема в том, что западный капитализм пытается навязать эту модель многим регионам мира, а в результате богатые нации становятся ещё богаче, а бедные ещё беднее, потому что ресурсы их стран способствовали процветанию богатых наций. Таким образом, положение бедных, проблема нищеты начинают всерьез волновать Кокса, и эта тема окажется важнейшей в его книге «Религия в мирском граде» (1984), духовным основанием для которой станет **теология освобождения**. Действительно, не только западные общества сполна заплатили за процветание своими ресурсами, но и сам западный человек принес нечто в жертву индустриальному обществу, ведь «пока идет завоевание всего мира, он теряет душу» [5, р. 7]. Человек утрачивает важнейшие составляющие своей жизни, а именно: «веселье (festivity) – способность к истинному шумному веселью и радостному празднованию», а также «фантазию – способность к воображению ситуаций, резко отличающихся от жизни» [там же]. При явном росте материального благополучия наблюдаются отсутствие духовных глубин, пессимизм, утрата смысла жизни, а слово «депрессия» становится атрибутом жизни.

Депрессивные состояния становятся оборотной стороной чрезмерной профессиональной деятельности и социальной активности, а одиночество и утрата связей с близкими – это цена, которую платит человек за то, чтобы удержаться на плаву, платить по счетам, по возможности добиться максимального материального успеха. Многие психоаналитики на Западе отмечают дефицит позитивных эмоций и радостей у современного человека. Я вспоминаю удивительную встречу с Перси Адамсом – американским психоаналитиком, психиатром и клоуном, который работал по методике В. Франкла с суицидниками. Он отмечал, что неумение радоваться за себя, за других, радоваться природе, отсутствие веселой обстановки подтачивают человека изнутри; он фиксируется только на негативных моментах, погружается в заботы, которые считает тягостными, перестаёт ценить свою свободу и саму жизнь. Вспоминая себя в 18-летнем возрасте, когда он попытался покончить с собственной жизнью, он говорил, что состояние, приведшее его на больничную койку в клинику собственного отца, объяснялось утратой смысла существования по причине того, что не к чему стремиться, ибо все есть. Поиск собственного призвания – важная задача и решить её – означает вытащить себя из тяжелого состояния и тех окружающих, которые живут точно в таком же мире. Вывести человека из состояния духовной смерти – значит подарить ему радость жизни, а веселье и смех – самые лучшие помощники в этом деле. Х. Кокс тоже понимает, что происходит с людьми. Он убежден, что две важнейшие способности – ве-

селиться и фантазировать – непосредственным образом связаны с нашим переживанием **прошлого и будущего**, а значит, с понятием **времени**. Дело в том, что человек воспринимает себя гармонично только тогда, когда ощущает себя пульсирующей точкой их пересечения. Мы не можем жить без своей собственной «истории» рода, мы соотносим себя с прошлым и будущим. Кокс подчеркивает, что именно эта способность отличает нас от всех живых существ. Почему столь высоко он ставит способность к веселью? Наверное, потому, что человек – социальное существо, которое демонстрирует готовность «встраивать в свою жизнь радости других людей и опыт предыдущих поколений» [там же]. Животные умеют играть, но не умеют праздновать.

Кокс прекрасно знаком с книгой «Homo Ludens» Й. Хейзинга, которая стала уже классической по теории культуры; детерминантой культуры здесь выступает игра. Американский теолог, исходя из своих задач, развивает эту тему и полагает, что «веселье – форма человеческой игры, через которую человек осваивает обширную область жизни, включая прошлое в свой собственный опыт» [там же]. Хейзинга отмечал, что, к сожалению, мало кто из исследователей занимался изучением сущности праздника: «О сущности праздника венгерский ученый Карл Кереньи, почти одновременно с появлением этой книги, опубликовал статью, которая самым непосредственным образом касается интересующего нас предмета. Подобный же характер изначальной самостоятельности, который мы предположительно отнесли к понятию игры, Кереньи признаёт и за понятием праздника» [3, с. 39]. Далее Хейзинга пишет: «Идеи Кереньи о празднике как понятии культуры дают возможность укрепить и расширить основу построения этой книги» [6, р. 40]. Карл Кереньи (Károly Kerényi, 1897–1973) – профессор классической филологии и древней истории, религиовед. Тема культуры ему очень близка. Хейзинга справедливо заметил: «Подобно нашему суждению об игре Кереньи полагает, что история культуры не проявила должного внимания к феномену праздника. Феномен “праздничного”, кажется, совершенно ускользнул от этнологов» [3, с. 40].

По сути, Кокс продолжает начатую предыдущими теоретиками тему, углубляя её собственными наблюдениями и выводами. В его понимании веселье и празднование связаны с прошлым, а прошлое зависит от того, насколько хорошо мы помним о нём. Освежить память призвана традиция. Если она утрачивается, то человеку приходится жить только настоящим и он замыкается в рутине повседневности. Если человек перестаёт заглядывать в будущее или страшится его, то повседневность превращается в клетку, а человек теряет свои крылья, его духовные силы истощаются. Забвение прошлого опасно как для человека, так и для цивилизации: «Отрежьте человека от его воспоминаний или его видений, и он впадет в депрессивное состояние. То же самое истинно и для цивилизации. До тех пор пока она может впитывать то, что с ней уже случилось, и двигаться уверенно к тому, что ещё должно прийти, её жизненность упрочивается. Но когда цивилизация становится отчуждённой от своего прошлого и циничной по отношению к своему будущему, как это однажды произошло с Римом, её

духовная энергия иссякает. Она оступается и закатывается (declines)» [5, р. 13].

Важно помнить, что «веселье более тесно соотносится с памятью, а фантазия с надеждой. Вместе они помогают сделать человека существом, которое видит свой исток и судьбу, а не просто недолговечным мыльным пузырьём» [5, р. 8]. Все мы отмечаем светские, религиозные, личные праздники и даты, чтобы немного отвлечься и развлечься, посещаем вечеринки. Кокс не наблюдает силы эмоций, накала страстей, творческой активности. Люди предпочитают, чтобы их развлекали. Особой радости нет, скорее мы исполняем привычные ритуалы, о глубинном смысле которых часто не подозреваем. Действительно, если обратиться к ритуалу празднования Нового года, о котором подробно рассуждает теолог, то главным оказываются предновогодняя суэта с поиском подарков, покупкой всего необходимого для праздничного стола, забота о том, чтобы не остаться в новогоднюю ночь в одиночестве и пр. Но как только часы пробили полночь и новый год наступил, а особенно утром первого января, вас посещает мысль: и это – всё? И что все так суетились? Смысл этого праздника всем ясен, но чего-то все же не хватает для переживания полноты жизни и счастья. «Как надеющиеся и помнящие существа мы верно чувствуем некое необычное символическое значение того необычного магического времени, когда старый год исчезает навсегда, а новый начинается... Бедность жизни наших фантазий проявляется в том, что наши сны забываются, наши мечты днём остаются неразделенными, тайными, скрытыми» [там же]. Человек живет среди банальных массовых продуктов телевидения, предлагающего предсказуемые ситуации и даже реакции. Но во всем обвинять телевидение нельзя. Психологическая угнетенность человека – «симптом гораздо более широкого культурного истощения (debility. – Н. Сох)» [5, р. 9].

Кокс обнаруживает множество причин, приведших культуру в процессе упадка («slow-decay» – термин Х. Кокса) также к упадку веселья и фантазии. На заре своего возникновения индустриальное общество нуждалось в человеке особого склада. Прежде всего в нем воспитывалось трудолюбие, ценился здравый смысл, а не фантазия и игривость. Серьезный труженик, ответственный, сметливый, практичный, бережливый – вот нужный тип человека. А. Швейцер очень точно описывает опыт жизни такого человека и его психологическое состояние: «В течение двух или трёх поколений довольно многие индивиды живут только как рабочая сила, а не как люди. То, что вообще может быть сказано о духовном и нравственном значении труда, на их труд уже не распространяется. Ставшая обычной занятость современного человека во всех слоях общества ведет к умиранию в нем духовного начала... Не познания и развития ищет он, а развлечения – и при том такого, какое требует минимального духовного напряжения» [4, с. 240–241]. В процессе упрочения в обществе культа интенсивного труда праздники отошли на второй план. Индустриальное общество сменилось веком науки и техники, где фантазии почти не нашлось места, ведь «секуляризм разъел религиозные метафоры, внутри которых может странствовать фантазия... Мы все ещё живем в культуре, где фантазию терпят, а не поощряют» [5, р. 10].

Как человек может осознавать своё божественное происхождение, если он привык жить в мире обыденных аргументов и фактов? Он не умеет особым, духовным зрением видеть иную реальность, переживать её, а жизнь его становится однообразной и унылой, хотя, на самом деле, он – больше, чем функционирующий, зарабатывающий деньги и делающий карьеру субъект. В истории философской мысли были предложены самые различные термины, призванные отражать уникальность природы человека. В противовес рационалистической традиции, которая превозносит уникальность и мощь человеческого разума, Кокс назвал человека «*homo festivus*» и «*homo fantasia*» одновременно, потому что он не только празднует и вселится, но и создаёт мифы, мечтает. Кокс поясняет: «*homo festivus* – подразумевает всеобщий характер веселья в человеческой жизни. Без этого нет ни одной культуры» [5, р. 10]. Этнографы и этнологи, проводя сравнительное исследование культур, обнаружили в их основе огромный пласт мифов, сезонных праздников, а также мифов, связанных с историческими событиями. Мифы и праздники могут забываться или исчезать, но мифы несут в себе символическую составляющую, что-то означающую для конкретной культуры. Поэтому для американского теолога «человек – это “*homo festivus*” и “*homo fantasia*”. Никакое иное существо, которое мы знаем из легенд наших предков, не задувает свечи на торте в день рождения, и не наряжается для того, чтобы предстать кем-то другим» [5, р. 11]. К сожалению, и по сей день в человеке видят лишь работника, а европейские интеллектуалы, такие, как Фома Аквинский, М. Лютер, Р. Декарт, К. Маркс и другие, по мнению Кокса, внесли в эту ситуацию свою лепту: «Этот акцент на рабочего-мыслителя, усиленный индустриализацией, утвержденный философией и освященный христианством, помог добиться монументальных достижений западной науке и индустриальным технологиям» [там же]. Однако негативные последствия впечатляют точно так же, как и достижения. Речь идет не только об экологии: отравленная атмосфера, почва, вода, пересохшие озёра. Вопиющая нищета материальная и духовная – вот общечеловеческая проблема, требующая осмысления и разрешения. Чтобы стать полноценными людьми, необходимо заново учиться фантазировать, веселиться, петь и танцевать, потому что «подавление веселья и фантазии ставит в опасность выживание человечества как вида... Веселье, разрушая рутину и открывая человека прошлому, увеличивает его опыт и сводит на нет его провинциализм... Фантазия расширяет способности к инновациям» [5, р. 12], т. е. способствует выживанию.

Критикуя современное общество, Кокс указывает на недооценку иррационального фактора. Жизнь, которая руководствуется только разумом и при этом не опирается на ценности и чувства, превращается в неполноценную жизнь. В этой связи мне хотелось бы вспомнить О. Конта, который, превознося разум и науку, при всей вере в прогресс, все же пришел к выводу, что в светлом будущем не разум, а именно чувства будут определять жизнь человека, ибо тело человека стремится туда, куда его влечет душа. Разуму Конт отводил только функцию контроля. За гармоническое равновесие выступает и Кокс, потому что рациональный переко-

обедняет жизнь человека, поскольку «наши нити к вчера и завтра завянут ещё и от эстетических, эмоциональных и символических аспектов человеческой жизни... Без веселья и фантазии человек не сможет быть действительно историческим существом» [5, р. 13].

Каков же выход? Как западный мир может исцелить себя? Кокс полагает, что решение проблемы требует не только широты взглядов, но и «**социального воображения**», позволяющего мыслить фундаментально и «видеть новые пути для установления связи с остальным миром» [5, р. 14].

Материальный достаток делает человека бесчувственным к тем, кто беден и голоден. Стать более человечным и свободным без контакта с «неразвитым миром» богатому Западу не удастся. Следует совместить теоретический компонент западной культуры с эстетическими компонентами восточных цивилизаций. Данный рецепт напоминает мне точку зрения В. Шубарта, который полагал, что поскольку Европа есть форма без души, а Россия есть душа без формы, то преодолеть собственную ущербность обе культуры смогут только в процессе взаимного диалога и взаимодействия: Европа одухотворится, а Россия оформится. Нечто в этом роде предложил и Кокс. Но как будет осуществляться процесс гуманизации западной цивилизации, каковы будут его реальные последствия – вот в чем вопрос. Кто и куда будет перемещаться и как контактировать? Не разрушат ли эти контакты культурные основания обеих сторон? На эти вопросы Кокс не дает ответа. Он предчувствовал в середине 60-х гг. прошлого века будущие перемены, связанные с процессами глобализации, и пройдет ещё лет пятнадцать, прежде чем он заговорит о постмодерных перспективах теологии на фоне не только мощного взаимодействия культур, но и продолжающегося разделения народов и государств на бедных и богатых.

Способность веселиться и фантазировать имеет и религиозное значение, потому что «религиозный человек видит себя частью огромного целого, более длительного повествования, в котором он играет свою роль. Песня, ритуал, видение... помогают ему расположить себя где-то между Эдемом и Царством Божиим; они дают ему прошлое и будущее» [5, р. 14]. Сегодня всё иначе, поскольку светский человек «зачастую воспринимает прошлое как клетку, из которой мы должны убежать, а будущее как глупое продолжение того, что у нас есть сейчас» [там же]. Ответственность за такое восприятие прошлого и будущего возлагается на христианских мыслителей и пророков. Есть ли их вина в духовном упадке культуры?

На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, хотя можно сделать экскурс в события прошлого, что и делает Кокс, пытаясь отыскать ответ на важнейший вопрос: **как дух веселья стал покидать западную культуру?** Дух веселья стал оставлять западную культуру постепенно, и религия – не исключение. Кокс обращается к практике христианских богослужений сегодня и просит представить себе, что кто-то вдруг решил не только помолиться, но и станцевать или спеть в стенах храма во славу Божью. Такого человека восприняли бы как неадекватного и могли бы вывести из храма как богохульника. Никто не оценил бы его душевного порыва. Однако так было не всегда. Христианство прошло долгий путь, прежде чем утверди-

лись современные нормы поведения в храме. В древности могли и спеть, и сплясать, это не возбранялось до тех самых пор, пока священники не узрели элемент неприличия, поскольку танец может содержать и сексуальный момент. Конечно, есть приходы, где преобладает негритянское население и в церкви звучит джазовая музыка. Но это скорее исключение.

В раннем христианском богослужении танец во славу Бога был, и Кокс обращается к древнееврейским текстам. Он ссылается на исследование E. Louis Backman, в котором собраны документы о танце в языческих религиях и практиках и внутри христианской церкви. На их основании Бэкман делает вывод, что в глубоком прошлом христианские хоры были не только поющими, но и танцующими; участники хора – дети – изображали танцующих ангелов. Сегодня нигде, кроме Севильи, увидеть нечто подобное невозможно. Бэкман отмечает, что в III в. до н. э. Клемент Александрийский в сочинении «Послание к язычникам» описывал христианские церемонии инициации, сопровождавшиеся песнями, факельными шествиями, а танец – хоровод с ангелами был его неотъемлемой частью. Первым, кто выразил недовольство танцевальной практикой, стал святой Василий Великий, епископ Цезари (344–407). Восхищение танцем сменилось сомнением, поскольку он был впечатлен чувственностью пасхальных танцев. В итоге он решительно осудил танцовщиц за непристойность поведения: они «бесстыдно привлекают внимание каждого мужчины... Танцуя с очами, полными вожделения, громко смеясь...они возбуждают страсть юности... Проститутскими песнями они оскверняют воздух и пачкают своими ногами в постыдных позах и без того пришедшую в упадок землю» (цит. по: [5, р. 49–50]). Чувственная составляющая танца возмутила Святого, но он критикует не сам танец, а его исполнительниц, которые явно не отличались величием духа и скромностью. На протяжении веков эта тема серьёзно обсуждалась, потому что речь шла о нравственном состоянии паствы, затем стали появляться запреты на танцы в церквях и церковных подворьях. В 1298 году, в Вюрцбурге танец в церкви был назван грехом и запрещен окончательно.

Веселье, выраженное в танце, было изгнано из церкви. Но Кокс отмечает, что чувственный элемент сегодня пробивает себе дорогу в храм и принимается, если есть вкус и мера. Теолог хочет сказать, что существует большая разница между христианскими обрядами и традициями в прошлом и настоящем. Христианство меняется вместе с духом культуры: излишняя серьезность, трезвость и умеренность, возможно, убили настоящий дух религии, которая опиралась на чувства человека, а не на разум. Однако утрата танца, в котором воплощен не только чувственный, но и творческий момент, означает в каком-то смысле и ослабление фантазии. Но более всего способность фантазировать проявляется в мифе и ритуале. Их значение нельзя переоценить, потому что «ритуал гуманизирует пространство (space), а миф гуманизирует время. Ритуал – это социальная фантазия» [5, р. 71]. По мнению Кокса, идеология являет собой извращение ритуала, подавляющий ритуал. Настоящий ритуал – тот, который освобождает, который позволяет свободе и фантазии сплетаться и расходиться, а примером освобождающего ритуала Кокс считает джаз.

Важнейшим проявлением фантазии являются политические фантазии, которые возникают в определенном символическом и структурном контексте культуры. Это то, что теолог назвал «*Metainstitution*». Сюда включены обязательно аффективный и ритуальный компоненты. Кокс пишет: «Печальная истина состоит в том, что церковь *не может* (курсив Х. Кокса) быть тем метаинститутом, который нужен нашему миру, чтобы обучить нас веселью, открыть нашу фантазию, позвать в будущее... Не может по одной причине: церковь не является церковью» [5, р. 95]. Кокс полагает, что новая церковь, как новая форма духовности, возможно, придет со временем. Сегодня нет смысла тратить усилия на обновление традиционной церкви, а следует заняться «новым сотворением мира» (*recreation of the world*). Но модели прошлых революций для этого не подходят и необходимо изобретать свои. Кокс уповает на творческий потенциал активистов и неомистиков с их установкой на веселье и празднование. Неомистиками он называет католиков, а новыми активистами протестантов.

2. «Дионисийское» начало как связующее историю и вечность

Феномен веселья исследовали немногие теоретики [1], но наиболее известен, конечно же, Й. Хейзинга. Кокс отмечает сложность этого феномена, в силу чего каждый автор его интерпретировал по-своему, что в совокупности является несомненным вкладом в понимание веселья как явления культуры.

Представляет интерес сочинение Роже Кайуа «Игры и люди», где он полемизирует с Хейзинга, который, описав феномен игры, так и не предложил классификацию игр. Французский философ и социолог предпринял эту попытку и, исследуя феномен игры, пришел к выводу, что «игру должно рассматривать как свободную и добровольную деятельность, источник радости и забавы» [1, с. 45]. Он полагал, что ей присуща спонтанность и непредсказуемость, ведь «игра заключается в том, что необходимо сразу находить, придумывать ответ, который свободен в пределах правил» [1, с. 47]. Р. Кайуа считал, что веселье связано с неумеренностью и хаосом, а Джозеф Пайпер делал акцент на радостном чувстве и согласованности действий.

Представляется вполне уместным привести по этому поводу суждение Хейзинга: «Итак, между праздником и игрой, по самой их природе, существуют самые тесные отношения. Выключение из обыденной жизни, преимущественно, хотя и не обязательно, радостный тон поведения (праздник может быть и серьезным), временные и пространственные границы, существование заодно строгой определенности и настоящей свободы – таковы самые основные социальные особенности, характерные и для игры, и для праздника. В танце, пожалуй, оба эти понятия образуют наиболее полное внутреннее единство» [3, с. 40].

Х. Кокс подходит к определению веселья с психологической точки зрения: «Я хочу определить веселье (*festivity*) прежде всего как социально санкционированную возможность для выражения чувств, которые обычно подавляются или которыми пренебрегают» [5, р. 22]. «Праздничное собы-

тие» (a festive occasion – Н. Сок) представляет собой единство трёх составляющих:

1. Сознательная неумеренность (excess). Речь идет о необыкновенной открытости, живости, веселой активности, изменении стиля одежды, необычности обстоятельств и изменении привычного ритма жизни: «Мы встаём позже, едим и пьём больше, тратим больше, чем обычно, денег. Возможно, мы смеемся или плачем, а может, и то, и другое» [там же]. Есть культуры, которые на это время отменяют табу на секс и пищу.

2. Утверждение через празднование (celebrative affirmation). Дело в том, что праздник и веселье – это демонстрация оптимистического принятия жизни. Можно праздновать как достижения, события, так и провалы и даже смерть (в Юго-Восточной Азии, например, похороны – самый важный праздник освобождения от тягот жизни). В каждой культуре есть свои поводы для того, чтобы поднять бокал.

3. Соприкосновение (juxtaposition). Это особого рода чувство сопричастности с чем-то, что отличается от обыденного опыта, и даётся оно не всем. Кокс, вводя это понятие, подразумевает, что веселье или празднование – всегда некий вызов повседневности. Празднование содержит некий осадок горечи, в нем есть место трагедии, поэтому оно – серьёзное явление. Если этот момент отсутствует, то праздник становится поверхностным. Кокс с симпатией воспринимает традиции испанцев, в чьих праздниках обязательно присутствуют темы хаоса, смерти, триумфа – всего того, что есть в жизни, потому что только люди, знакомые не понаслышке с болью и несчастьями, способны от всей души праздновать и веселиться. Теолог полагает, что «стерильная (antiseptic) религия пугается вины и террора, как, впрочем, эроса и смерти» [5, p. 25].

Кокс считает эти три элемента празднования важнейшими составляющими человеческой жизни, поскольку именно через веселье и праздник человек соприкасается с прошлым, настоящим и будущим, т. е. ощущает погруженность в некую временную целостность. Неудивительно, что забвение трех элементов привело западного человека и его культуру в состояние болезненности: «По этой самой причине нас не должно удивлять, что такой духовный феномен, который мы называем “смерть Бога”, смог произойти в западном индустриальном обществе, в том месте на глобусе, где празднество достигло предельного упадка. Это не случайное стечение обстоятельств, что Ницше, тот самый философ, который оплакивал исчезновение празднества в христианском мире, выдвинул тезис “Бог умер”... Связь между закатом веселья и смертью Бога может быть полностью подтверждена» [5, p. 26]. Таким образом, отсутствие радостного восприятия жизни, депрессивные состояния у наших современников, ослабление позиций религии – это всё явления одного порядка. Кокс полагает, что концепция «смерти Бога» есть не что иное, как проявление кризиса западного сознания, и является результатом всей истории, который включает технический и научный прогресс, плюрализм и культурное самосознание. Кризис западной культуры имеет прямое отношение к тому, как человеку видится история и как он её творит. «Смерть Бога»- не сугубо интеллектуальная

проблема, но проблема атрофии чувств, эстетической восприимчивости, интуиции. Люди не умеют верить в Бога в силу скудости опыта. Не каждый может «столкнуться» с Богом в рациональной суматохе повседневности. Прежде чем строить теологическую доктрину, человек сначала должен пережить в какой-то форме встречу с Ним. *«История – это имя, которое мы как человеческие существа даём горизонту сознания, внутри которого мы живем. Мирче Элиаде назвал этот окружающий нас исторический горизонт “космосом”... Тейяр де Шарден назвал его “divine milieu”... Интуиция, экстаз, благоговейный трепет открывают нас этому большему космическому кругу. Идея, анализ и сознательное решение относят нас к меньшему, историческому кругу. Наши религиозные символы помогают нам соединить один с другим. История определяется временем, а космический круг означает вечность. Чтобы в полном смысле быть человеком, нам надо соприкоснуться с обоими кругами»* [5, р. 27–28].

Кризис Запада начался с разрыва связи между двумя мирами, который случился в душе и сознании человека. Произошел факт осознания разрыва, но некоторые восприняли утрату связи с кругом вечного мира как «смерть Бога». Но Кокс не считает утрату связи окончательной, потому что проблема не в Боге, а в человеке. Все религии обеспечивали в прошлом прочность этой связи. Архаические рисовали картину цикличности бытия, но человек не выступал в качестве творца истории. А вот исторические религии содержат в себе эту возможность; мир предстаёт как становящийся во времени; есть священные и значимые для человека события прошлого, о которых говорит наша религия, есть события, связанные с выдающимися личностями, политическими событиями. Мы вспоминаем о них и отмечаем, потому что они для нас важны. Однако Кокс уверен, что *«именно эта поглощенность историей и есть истинный корень нашего кризиса. Усвоив важность истории из нашей религии, мы утратили нашу религию и остались только с историей»* [5, р. 30]. Опыт осмысления феномена концентрационных лагерей привел многих мыслителей к выводу, что сам факт появления газовых камер – это не что иное, как попытка «решить» проблемы исторического свойства, когда человек предстаёт как средство, материал, а не образ Божий. Рационализация приводит к утрате гуманности. А ведь религия говорит не только о важности истории и о созидательной миссии человека, но и о любви, страдании, смерти. Кокс считает, что наиболее мощно тема давления цивилизации на личность выражена в двух концепциях – К. Маркса и З. Фрейда. Человек «убил» Бога, чтобы владеть цивилизацией единовластно, но как ужасают плоды такого правления... Мы ведь не в восторге от того, что имеем. Но дело в том, что и прошлое нас не устраивает... Стоит только обратиться к фактам переписывания истории в разных уголках земного шара... Полагаю, что люди сражаются с прошлым, признавая тем самым, что оно активно, оно живет в символах, понятиях, воспоминаниях и событиях. Многие воспринимают его как клетку, как негативный опыт.

Как мы относимся к нашему прошлому и к истории? Существуют два возможных способа отношений. Первый тип Кокс назвал «эсхатологи-

ческим жертвоприношением», потому что он умаляет заслуги прошлого и настоящего во имя будущего; второй тип – «воплощенное жертвоприношение» (incarnational – Н. Сох) – активно противостоит прошлому, борется с ним, поскольку оно мешает наслаждаться настоящим. Говорят не о том, что было на самом деле, а о том, что могло бы быть. К сожалению, история превратилась в банальную среду обитания человека.

Как с этим быть, как относиться к прошлому? Кокс предлагает такой выход: «...рассматривать прошлую историю не как тюрьму, из которой надо бежать, и не как древность, которую следует сохранять, а как измерение реальности, которая расширяет и просвещает (озаряет? “illuminates the present”) настоящее. Что необходимо, так это путь вспомоществования человеку с радостью объять его прошлое и оценить историю и её пределы. Это случится только тогда, когда мы снова научимся праздновать (to celebrate), утверждать жизнь и историю без того, чтобы быть удушенными ими (without being suffocated by them)» [5, p. 32].

Список литературы

1. Кайуа Р. Игры и люди: ст. и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 364 с.
2. Фролова И.А. Х. Кокс: теология социальных перемен // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 157–178.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens: ст. по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
4. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993. 512 с.
5. Cox H. The Feast of Fools: A Theological Essay on Festivity and Fantasy. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
6. Pieper J. In Tune With the World: A Theory of Festivity. Saint Augustine's Press, Incorporated, 1999. 104 p.

IN SEARCH OF HOPE: H. COX ON THE DECADANCE OF WESTERN CULTURE AND PERSPECTIVES OF ITS SPIRITUAL TRANSFIGURATION

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of H. Cox book «The Feast of Fools: A Theological Essay on Festivity and Fantasy». It was written in 1969, but it stays topical up to now. H. Cox examined a number of serious issues: what is going on with contemporary man and culture; why the spirit of festivity and fantasy has been gradually disappearing from it; is Christian theology guilty of this process; is it possible to call in fact the joyless and pragmatic life of a human being the genuine existence; what are the reasons of spiritual deca-

dence of modern civilization and what is the role of theology in search of the ways of its spiritual reconstruction?

Keywords: *USA liberal theology, philosophy of religion, philosophy of culture.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – Ph.D., associated professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru